

Тем временем Дяочань уже скакала к ним верхом... нет, не так. Ласка и Му Синчэнь шли к ним пешком.

Они петляли туда-сюда, обходя низины и постоянно держась мест повыше, словно исполняли какой-то шаманский танец.

Очень скоро зрители этого ракурса сами начали кружиться вместе с ними.

□Спасибо. Я и так смотрела из-за бессонницы, а теперь меня так укачало, что сразу захотелось спать. Спокойной ночи, Макка Пакка.□

□+1, я тоже спать.□

□«Тайны потустороннего» невероятно разносторонние. Теперь ещё и функцию усыпления добавили.□

□Эм... тоже неплохо. Там всё равно идёт тяжёлая драка, эти двое туда придут только как бесплатная доставка еды. Пусть лучше здесь остаются, безопаснее.□

□А точно безопаснее? У Сяо Му удача вообще так себе.□

Не успел этот зритель-пророк закончить мысль, как из-за дерева показалась белёсая рука водяного трупа. Под дождём виднелись длинные чёрные ногти — острые настолько, что, казалось, ими легко вспороть человеку живот.

Му Синчэнь и ласка одновременно затормозили, посмотрели друг на друга и одинаково побледнели от ужаса.

— А-а-а-а-а-а!

□Вот уж точно: чего боялись, то и пришло.□

□И что теперь делать?!□

□Этот труп будто отличается от остальных. Малой его не обездвижил, да и ногти намного длиннее. Сразу видно — сильнее обычных водяных трупов.□

□Спасите а-а-а-а-а!□

Му Синчэнь сорвал с пояса миниатюрный сосуд, дрожа подумал: сосуд может ловить духов, но работает ли он на трупе без души?

Он поднял сосуд, а ласка одновременно обхватила его и стала пятиться. Камера затряслась, полностью выдавая, насколько показной была его храбрость.

Разумеется, Му Синчэнь не мог убежать от водяного трупа, который стоял на более высоком уровне, чем остальные, и двигался совершенно не скованно. Через несколько шагов путь к отступлению оказался отрезан.

Му Синчэнь дрожащей рукой поднял сосуд, решив рискнуть. Но белое, распухшее лицо трупа, на котором уже невозможно было разобрать черты, повернулось к нему, и из горла, словно до краёв наполненного водой, медленно вырвались неясные слова:

— Не... бой... ся... ре... бё... нок.

— Я... ста... рос... та...

После этой фразы Му Синчэнь едва не лишился души от ужаса. Староста? Разве нынешний староста не сидит дома и не ждёт их возвращения?

Почему тогда этот оказался здесь и выглядит вот так?

Слова «не бойся» напугали Му Синчэня ещё сильнее, и он отчаянно пятился.

□А-а-а-а, что это значит? Староста тоже притворялся? Он на самом деле давно умер???□

□Среди ночи ещё и сюжет-головоломку мне подкинули?□

□Не очень похоже. Нынешний староста худее, а этот как будто поплотнее.□

□Может, просто распух в воде...□

Му Синчэнь от страха начал заикаться и, пятясь, понёс полную чашу:

— С-с-староста, почему вы так распухли? У вас по утрам вода задерживается?.. Попробуйте чёрный кофе, реально помогает, проверено на себе а-а-а-а! Не подходите ко мне!

Он сам уже не понимал, что несёт, и просто инстинктивно отступал.

— Что... ты... не... сёшь? — медленно спросил староста. — Ког... да... я... у... мер... ты... на... вер... но... ещё... не... ро... дил... ся.

Он и правда слишком долго пролежал в воде. Во время речи казалось, будто горло всё ещё заполнено жидкостью и после каждого слога нужно перевести дыхание.

От этих слов Му Синчэнь пришёл в ещё большее отчаяние. Хотелось немедленно найти дерево и самому в него врезаться, лишь бы потерять сознание и не играть в эту мучительную погоню.

Наконец «староста» понял причину его страха.

— Я... не... ны... неш... ний... ста... рос... та. Я... преж... ний.

Му Синчэнь наконец вернул себе немного разума.

— То есть вы бывший староста Хуайшуй?

И тут он осознал ещё кое-что:

— Погодите. Почему вы можете говорить? Потому что у вас сохранилась собственная душа?

— Или... вы и есть супер-босс, который прятался за главным боссом и теперь хочет меня обмануть? — Му Синчэнь настороженно дал волю фантазии.

— Босс... это... что? — спросил староста.

Му Синчэнь:

— ...

Надо признать, образ старого деревенского старосты вы держите железно.

Он с сомнением подошёл ближе, переключил клавиатуру телефона на рукописный ввод и сказал:

— Вы говорите слишком медленно. Давайте лучше писать?

Старый староста кивнул.

Первую фразу он написал прямо в комментариях:

□Я посадил тот баньян. С меня всё и началось.□

□Я сам посадил А-Шу. Хотел, чтобы у жителей Хуайшуй появилась большая тень, где можно спастись от жары.□

Так написал старый староста.

.....

Это было самое жаркое лето за всю историю Хуайшуй. Старому старосте — отцу нынешнего старосты Сюя — тогда едва перевалило за двадцать. Благодаря поддержке собственного отца он немного учился и знал немало иероглифов, поэтому ещё молодым получил доверие односельчан и стал старостой.

В тот год воздух был раскалён, словно туалет без вентиляции в сорокаградусную жару. После полевых работ жители собирались поговорить в маленькой тени под софорой, но дерево было слишком небольшим и не могло укрыть всех. Каждый раз несколько человек оставались на солнце и вскоре мучились от головокружения и жара, лица у них становились красными.

Староста всё видел и запоминал. Позже он съездил в уездную библиотеку, поискал сведения и в итоге за собственные деньги купил саженец баньяна.

В ботанических заметках было написано: это дерево растёт чрезвычайно сильно, и одно способно превратиться в целую рощу.

Тогда староста подумал: если посадить его и дожидаться, пока вырастет, оно сможет подарить тень всем жителям деревни.

В тот год, в начале осени, он посадил баньян у затопленной низины за деревней — баньянам требуется очень много воды.

Сажая дерево, староста мягко погладил ладонью верхушку и искренне пожелал маленькому саженцу однажды подарить деревне прохладную тень.

Он понимал: сделать для жителей он способен не так уж много, да и дела эти мелкие. Но он староста — как раз ради таких мелочей и существует эта должность.

Каждый вечер староста приходил к саженцу: удобрял, рыхлил землю. Спустя некоторое время деревце окрепло и выросло размером примерно с большой зонт — теперь под ним мог укрыться от солнца один человек.

Потом староста довольно долго не приходил к баньяну. В то время у него было тяжело на душе. Когда жители продавали зерно на рынке, перекупщики намеренно сбили цену. Староста пошёл спорить, но его просто вытолкали.

Жители не умели читать и по обману поставили отпечатки пальцев под чёрным по белому составленным договором. Даже если подать жалобу, добиться справедливости почти невозможно.

В те дни староста носился так, словно был цикадой, которой отпущен всего один сезон и потому она должна кричать изо всех сил, доказывая своё существование.

Но изменить ничего не смог.

К счастью, однажды он всё же пришёл к баньяну и обнаружил, что дерево уже выше его самого и даёт прохладную тень.

Он подумал: хорошо хоть я не совсем бесполезен.

Тогда он привстал на носки, изо всех сил дотянулся до кроны и погладил её.

— Расти и дальше как следует.

Прошло ещё время. Трава зеленела, иволги летали над полями; летом звенели цикады, осенью свистел холодный ветер, зимой тяжело падал снег. Когда староста пришёл снова, сколько ни тянулся, до кроны уже не доставал. Поэтому он лишь погладил крепкий ствол выросшего баньяна, и глаза его были полны удовлетворения.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949084>